

«Группа двадцати» в терминах и категориях сетевого подхода

П.А. Жданов

Жданов Павел Андреевич – аспирант кафедры мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; E-mail: p.jdanov@gmail.com

В статье предпринята попытка рассмотрения «Группы двадцати» в терминах и категориях сетевого подхода. Выделяются характерные для сети переменные, принимающие специфические значения в рамках сети: ресурсы сети, групповой интерес, отсутствие классической иерархии, особая культура политического консенсуса, потенциал к изменениям и гетерогенность сетевых акторов. Характеристики «двадцатки» соотносятся с данными переменными, на основании чего обосновывается сетевая природа «двадцатки» на разных уровнях ее организации.

Помимо качественных характеристик, сетевой подход дает возможность исследовать количественные характеристики сети и отображать ее графическую структуру. В качестве иллюстрации возможностей сетевого подхода используется построение сети на основе связи между приоритетными торговыми партнерами.

Ключевые слова: «Группа двадцати», сетевой подход, глобальное управление, «Группа восьми», БРИКС, политические сети, международные организации

Key words: G20, a network approach, global governance, G8, BRICS, political networks, international organizations

Мир усложняется ошеломляющими темпами. Взаимная интеграция приводит к созданию сложной системы взаимодействия в рамках процессов глобализации. Для регулирования международных отношений создаются разнообразные институты как политической, так и политико-экономической направленности. Все они должны осуществлять руководство широким спектром зачастую стихийно складывающихся связей и процессов, объединяющих весь мир в единое глобальное целое. Однако целостной системы глобального управления так и не сложилось. Как отмечает О.Н. Барабанов, «современную стадию в развитии глобальных процессов отличает разрыв между стремительным ходом экономической глобализации и достаточно слабыми усилиями государств по созданию согласованной политической системы ее регулирования» [11, с. 17].

Поскольку в условиях суверенитета и индивидуальных национальных интересов невозможно представить себе структуру, сколько-нибудь напоминающую мировое правительство, система международных отношений ищет рациональные механизмы регулирования, а также поддержки темпов интеграционных процессов. В силу ряда причин, описанных далее, «Большая двадцатка» является попыткой создать такую структуру, которая обеспечила бы регулирование международных отношений и дальнейшее управление процессами глобализации. Одним из основных факторов, способствующих данному положению «двадцатки», является ее сложная многоуровневая и многоступенчатая структура, организованная, как мы предполагаем и попытаемся показать в дальнейшем, по сетевому принципу.

В практическом плане сетевой анализ позволяет оценить реальную структуру взаимосвязи между странами. Разработанная модель показывает фактическую «картину» сетевого взаимодействия между государствами «Группы двадцати». Данная взаимосвязь между акторами во многом определяет дальнейшую траекторию развития рассматриваемого института, а также складывающуюся архитектуру глобального управления.

«Группа двадцати» в категориях сетевой организации международных отношений

Согласно представлениям А.-М. Слотер [9, 10], в современном мире государства образуют различные сети отношений и передают им часть своей субъектности (власть, полномочия, ресурсы и т.д.). Данные межгосударственные сети и сети неправительственных организаций образуют паутину нового мирового порядка. Межгосударственные сети, обретая собственную субъектность, постепенно отделяются от государств и начинают действовать самостоятельно. Однако наряду с этим государства остаются центральным актором международных отношений. Выделяют два типа сетей: горизонтальные и вертикальные. Горизонтальные сети представляют собой механизмы взаимодействия «одноуровневых» организаций разных стран (встречи министерств, неправительственных организаций и т.д.); вертикальные сети являются «супернациональными» организациями, существующими на наднациональном уровне. По сути, современные государства существуют в дезинтегрированном виде (*disaggregated state*) и включены в общую мировую сеть, состоящую из новых сетевых акторов. Новый мировой порядок выражается системой негосударственных глобальных правовых механизмов (*global legal system*), состоящих из множества управленческих институтов, в качестве которых выступают ВТО, НАФТА, Международный суд и др. Таким образом, государство стремится занять не доминирующее положение сверху иерархии, а положение в центре сетевой структуры. Однако А.-М. Слотер не абсолютизирует сеть; автор признает существование классической системы международных отношений, но сети все сильнее давят на старый мировой порядок, выстраиваясь поверх него.

Существует немало определений политических сетей. Так, например, Т. Берцель определяет политическую сеть как «набор относительно стабильных неиерархичных отношений разнообразных взаимозависимых акторов, разделяющих общий интерес относительно вырабатываемой политики, обменивающихся имеющимися ресурсами для достижения поставленных целей и признающих сотрудничество наиболее подходящим для этого методом» [2, р. 256–273]. Само по себе понятие «сеть», или «политическая сеть», понятно многим исследователям на интуитивном уровне. В целом оно может быть сформулировано через определение участников сети и характера отношений между ними. Однако в такой трактовке понятие «сеть» можно спутать с похожими на него понятиями системы или структуры. Таким образом, понятие «сеть» можно определить интерпретацией набора определений, позволяющих отделить термин от близких по смыслу. К таким определениям относятся: ресурсы, групповой интерес, отсутствие классической иерархии, особая культура политического консенсуса, потенциал к изменениям и гетерогенность сетевых акторов. Рассмотрим, как «двадцатка» соотносится с переменными, характеризующими ее как сеть.

1. Политическая сеть образуется для выработки соглашений, при этом задействуются имеющиеся у актора ресурсы. Таким образом, связь между акторами обусловлена взаимной заинтересованностью в ресурсах друг друга. Ресурсная зависимость может быть неравномерной. Одни участники могут обладать большим, другие меньшим по-

тенциалом, однако суммарный ресурс сети не должен быть меньше потенциального «ресурса влияния», в противном случае сеть не может стать управленческой.

С этой точки зрения «Группа двадцати» обладает огромным ресурсным потенциалом. Так, в совокупности «двадцатка» представляет 90% мирового ВВП, 80% мировой торговли (включая торговлю внутри ЕС) и две трети населения мира [13]. Помимо экономической мощи, «двадцатка» имеет огромный политический потенциал. В состав клуба входят все постоянные члены Совбеза ООН, большинство стран ядерного клуба, каждая из стран является крупной региональной державой, активно влияющей на политику в регионе присутствия. Эти экономические и политические ресурсы наделяют институт определенным потенциалом для управления и регулирования международных отношений на глобальном уровне.

2. У участников сети присутствует «групповой интерес» в противовес индивидуальным. Многие исследователи называют это свойство сети «кооперативным интересом».

«Двадцатка» как институт имеет «кризисную природу». Другими словами, «Группа двадцати» как на уровне министров финансов, так и на уровне лидеров стран образовалась вследствие необходимости преодоления глобальных экономических кризисов. Усилившаяся глобализация увеличила взаимозависимость между странами. Ни одна из стран, и даже группа развитых стран, не оказалась в состоянии управлять глобальными экономическими процессами. Это обуславливает то, что кооперативный интерес «двадцатки» имеет кризисную, проблемную природу, заключающуюся в необходимости стабилизации мировой экономики. На практике данный интерес разделяют все страны – участницы «двадцатки», что является стабилизирующим фактором организации сети. Однако определенный дисбаланс вносят «частные интересы». Так, Г. Рахман выделяет семь «линий разлома» между участниками «двадцатки»: «профицитные» страны против «дефицитных»; «манипуляторы» против «манипулируемых»; «ригористы» против «расточителей»; демократы против авторитариев; Запад против остальных; «интернационалисты» и «защитники суверенитета»; крупные державы против малых стран [8]. Данные разломы действительно имеют место, влияют на позиции стран в ключевых вопросах, в частности на перераспределение квот в МВФ и пр. Многие из них являются естественным следствием конкуренции между мировыми державами и вряд ли могут быть решены только в рамках процесса «двадцатки».

Большие опасения вызывает неэффективность сдерживания протекционистских мер. Несмотря на большое количество обязательств по противодействию протекционистским мерам, принимаемых из года в год, уровень их исполнения остается достаточно низким [15, с. 120–131].

Противоборство между частными и групповыми интересами можно проиллюстрировать с помощью известной дилеммы из теории игр – «дилеммы заключенного»¹.

¹ Были пойманы двое подозреваемых. Каждому из них предложили сделку: либо свидетельствовать против другого, либо хранить молчание. Ни один из них не знал, что выбрал другой заключенный. Если один заключенный свидетельствует против другого, а второй хранит молчание, то первого заключенного выпускают, а второй получает 10 лет. Если оба свидетельствуют друг против друга, то каждый из них получает по два года заключения, если же оба хранят молчание, то каждый приговаривается к шести месяцам. Если игра идет один ход, каждый заключенный руководствуется соображениями максимизации собственной выгоды и предает другого, чтобы получить минимальный срок. Однако если игра длится более одного хода, и каждый игрок может наказать другого на следующем ходу, то заключенным выгоднее сотрудничать, чем предавать. В повторяющейся «дилемме заключенного» «альтруистические» стратегии оказываются более выигрышными по сравнению с «жадными», и сотрудничество становится выгодным с точки зрения долгосрочной индивидуальной стратегии.

Применительно к «двадцатке» это может выглядеть следующим образом. На «короткой дистанции» страны стремятся максимизировать свою выгоду, устанавливая протекционистские меры, занижая курсы национальных валют, что приводит к ухудшению ситуации в международной экономике в целом. Однако в долгосрочной перспективе страны постепенно идут на компромисс друг с другом, что и является стабилизирующим мировую экономику фактором. Сам по себе факт проведения «двадцатки» на уровне лидеров подтверждает попытку начала поиска такого механизма.

3. В сетевом регулировании отсутствует классическая вертикальная иерархия. Все акторы потенциально равны в вопросах выбора и разработки совместных решений. Наблюдается горизонтальный характер отношений. Однако в сети могут наблюдаться центры, которые группируют на себе большое количество связей, и в большей степени, чем другие акторы, координируют деятельность сети.

Потенциально все страны-участницы равны, каждая страна имеет равный голос по сравнению с другой. На практике выделяются центры влияния, которые благодаря своему ресурсному потенциалу и степени взаимосвязи с другими странами и акторами имеют больший сетевой потенциал.

4. Особая культура политического консенсуса. Участники сети формируют формальные и неформальные правила ее функционирования. Политическая культура «двадцатки» выражается в особых процедурах принятия решений. «Группа двадцати» имеет ряд формальных и неформальных правил работы. Несмотря на неофициальный статус, в рамках «двадцатки» действуют механизмы «преемственности», выраженные в тройке из настоящего, прошлого и будущего, успешно функционируют встречи шерп, рабочие группы. Кроме того, «двадцатка» имеет возможность поручать международным организациям отдельные дополнительные задачи.

Здесь стоит остановиться на одной из основных проблем «двадцатки», выделяемой многими авторами, — неформальной природе института. «Двадцатка» действительно отличается от многих формальных институтов, таких как ООН, МВФ и др.; у нее нет постоянного секретариата и формальных механизмов принятия решения, как, например, процедуры голосования. Все решения «двадцатки» принимаются путем согласования позиций всех заинтересованных сторон. Однако, с точки зрения сети, подобная культура является скорее преимуществом, чем недостатком, обеспечивая возможность быстрых изменений.

5. Сети и сетевые организации отличаются высоким потенциалом к изменениям, динамизмом. В процессе деятельности сети могут перестраивать свою конфигурацию, включать и исключать определенных акторов, образовывать дополнительные проблемные подсети и т.д. Именно возможность узлов покидать сеть и включаться в ее деятельность в любое время отличает сети от систем. При выходе того или иного узла сети она заново реорганизуется, в системах же образуется вакуум, и какое-то время система не может функционировать нормально. Также, в отличие от системы, сети не замкнуты, что позволяет им потенциально расширяться до бесконечности. Гибкость сети позволяет ей достаточно быстро адаптироваться к меняющемуся миру.

Пожалуй, одним из основных результирующих свойств «двадцатки» как сети является высокий потенциал к самоизменению своей структуры. Если проследить эволюцию группы, то становится очевидно, что «широкий» состав постоянно меняется, кроме того, из года в год создаются новые сетевые образования и структуры. Так, для решения конкретных проблем мировой экономики создаются специализированные организации на уровне министров труда и занятости [4], министров сельского хозяйства [1], министров иностранных дел [7], образуется множество рабочих групп по более

частным вопросам. Неформальный характер института позволяет включать в его деятельность множество необходимых и важных акторов. Во многом этому способствует неформальный статус организации сети «двадцатки».

Совместно с другими свойствами сетевой организации мобильность позволяет «двадцатке» концентрировать усилия всей сети на конкретных актуальных проблемах.

6. Гетерогенность сети, множественность и разнообразие ее элементов. Политическую сеть могут формировать акторы разной природы, в нее могут входить государства, международные организации, бизнес и пр.

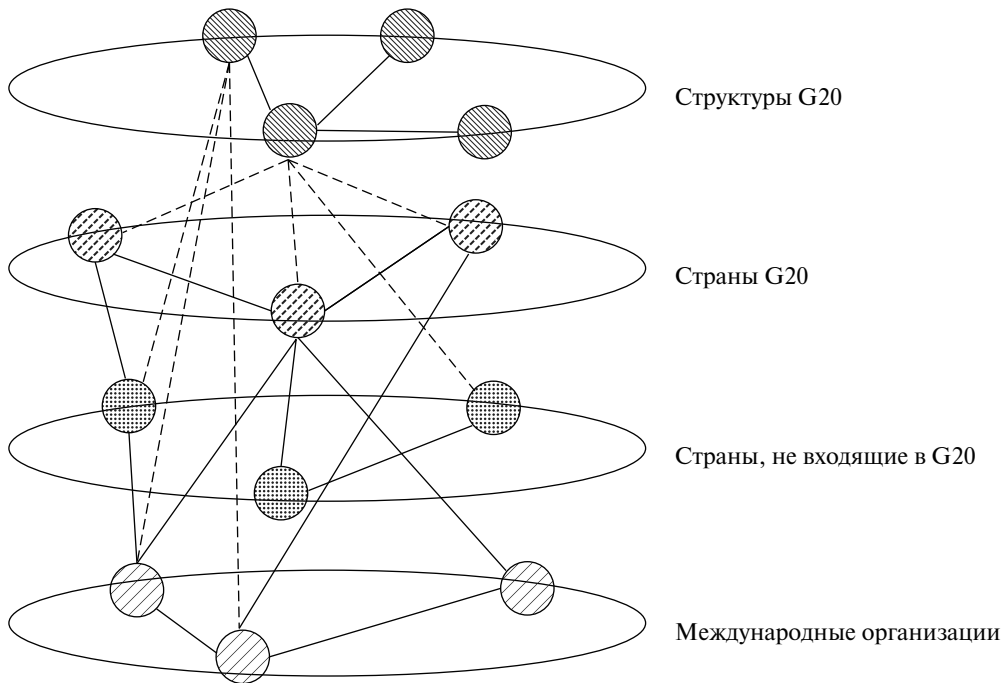

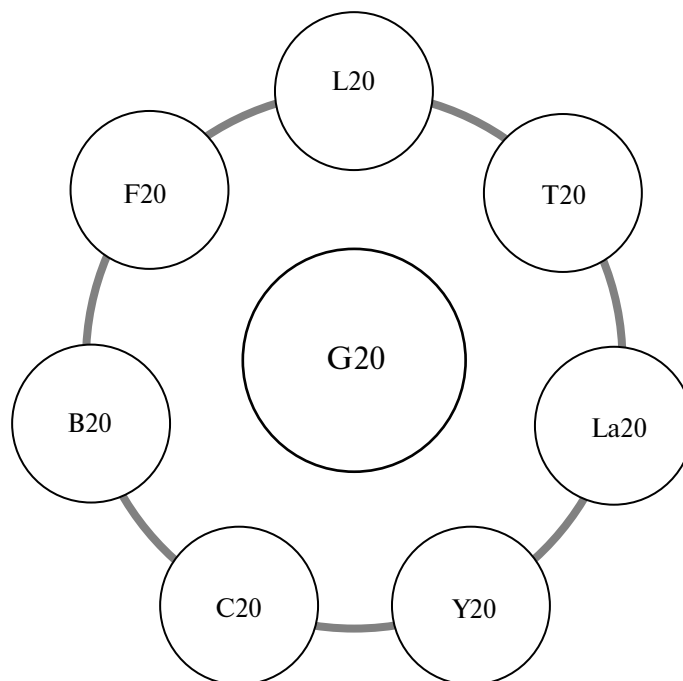
Рис. 1. Гетерогенная структура «Группы двадцати»

Гетерогенность сетевой структуры «двадцатки» проявляется на нескольких уровнях, образуя своеобразную метаорганизацию из акторов различной природы. В-первых, на уровне государств можно говорить о «широкой» и «узкой» сетевой структуре «двадцатки». В «узкую» структуру входят страны – участники группы, т.е. страны, которые ее образуют. К «широкой» сетевой структуре можно отнести страны, так или иначе принимающие участие в работе «двадцатки»; они приглашаются на саммиты в качестве председателей международных организаций или самостоятельно. За время работы организации выработались определенные правила приглашения стран [13]:

- приглашенных стран должно быть не более пяти;
- необходимо соблюдение принципа географической представленности;
- Испания имеет статус постоянного наблюдателя;
- приоритетом является приглашение стран, являющихся председателями в региональных форумах, таких как Африканский союз, АСЕАН, АТЭС и др.

«Широкий» состав обеспечивает вовлечение стран в процесс глобального управления.

Во-вторых, за период существования «двадцатки» в рамках этой организации были созданы разнообразные структуры политической, экономической и социальной природы. Так, в рамках председательства России предполагается организация бизнес-саммита, встречи представителей научных кругов и даже проведение молодежной двадцатки. Данные образования создают периферийный уровень организации сетевой структуры «Группы двадцати», одновременно являясь самостоятельными сетями.

L20 – саммит лидеров стран, T20 (Think 20) – встреча представителей мировых исследовательских центров, La20 – «профсоюзная двадцатка», Y20 – «молодежная двадцатка», C20 (Civil 20) – «гражданская двадцатка», B20 – бизнес-саммит, F20 – «финансовая двадцатка».

Рис. 2. Многоуровневая структура функционирования органов «Группы двадцати»

В-третьих, гетерогенность сети выражается в участии в деятельности «двадцатки» широкого спектра международных организаций: Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного банка (ВБ), Совета по финансовой стабильности (СФС), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Всемирной торговой организации (ВТО), Организации объединенных наций (ООН) и Международной организации труда (МОТ). Эти организации являются постоянными участниками встреч в рамках мероприятий «Группы двадцати» [13]. Также для консультаций по специфическим узкопрофильным вопросам к участию в работе «двадцатки» приглашаются иные международные организации.

В отношении международных организаций можно заметить, что они сами представляют собой своеобразные сети, образуя еще один уровень международной сетевой организации.

В данном ключе совершенно своеобразно выглядит положение ЕС в «Группе двадцати». По сути, «двадцатка» работает в формате 19+1, 19 стран плюс ЕС. С одной сто-

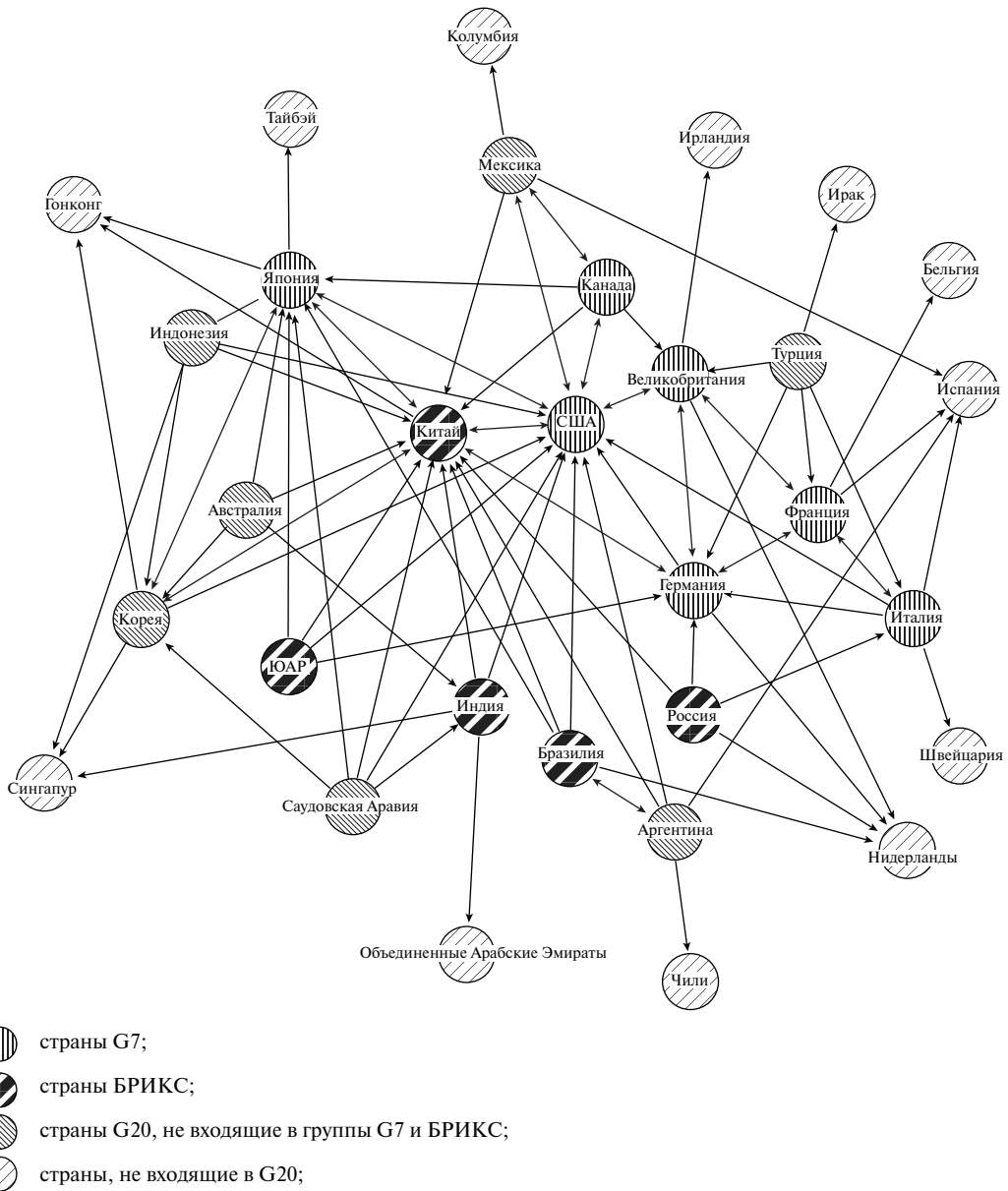
роны, ЕС является самостоятельным членом «двадцатки», с другой – международной организацией, построенной по сетевому принципу [14, с. 368–373].

Модель сетевого взаимодействия стран – участниц «Группы двадцати»

Важным аспектом теории политических сетей является их внутренняя структура – конфигурация входящих в нее акторов и характер взаимодействия между ними. Определенный рисунок связей между акторами образует сетевую структуру. Акторов можно разделить на центральных, которые образуют полюса сети, и на клики, характеризующиеся высокой степенью интенсивности внутренних взаимодействий. Таким образом, сеть можно охарактеризовать через свойства акторов и характер отношений между ними. Акторы характеризуются определенными атрибутами: ресурсами, властью и т.д. От характеристик актора зависит сфера действия и влияния сети. Характеристики связи в сетевом подходе имеют центральное положение. Содержательный смысл связей зависит от контекста рассмотрения структуры. Связь может обладать набором характеристик, таких как интенсивность, направленность, распространенность во времени и пр. Иными словами, с помощью связей можно отобразить многообразие отношений между акторами.

Помимо качественных отличий, сетевой подход дает возможность математического описания сети. Аналогичные исследования проводятся в социологии для различных целей. Частично математический аппарат заимствован из теории граф. Возможности использования расчетных характеристик для практических целей наглядно продемонстрированы в работе З. Маоза, Л. Терриса, Р. Купермана и И. Талмуда «Международные отношения: сетевой подход» [6].

В качестве примера была построена сеть, параметром связи которой являлось попадание страны из «двадцатки» в ТОП-5 торговых партнеров по сальдо торгового баланса за 2011–2012 гг. Здесь сразу стоит оговориться о некоторых неточностях и допущениях модели. Во-первых, рассматривается только один вид связи – товарооборот между странами, не рассматриваются политические связи, весьма существенные для «Группы двадцати». Также не учитывается интенсивность связи, под которой подразумевается абсолютное значение товарооборота. В сетевом графе указывается направленность связи, однако для расчетов используется неориентированный граф. Во-вторых, граф содержит некоторые страны, не входящие в «двадцатку», но попавшие в ведущие торговые партнеры стран-участниц. Однако для расчетов учитывались связи только между членами «Группы двадцати». На самом деле «двадцатка» является «верхушкой» сети глобальной экономики и политики. Посредством стран – участниц «двадцатки» в процесс глобального управления вовлекаются практически все страны. Так, например, с помощью России в глобальную экономику так или иначе вовлечены Белоруссия, Казахстан и другие страны СНГ, а также прочие страны-партнеры. Вся совокупность стран образует периферийный круг влияния «двадцатки». В-третьих, рассматриваются только акторы государственной природы, однако, как отмечалось выше, в сетевую структуру помимо стран входят также и международные организации, профсоюзы, интеллектуальные центры и т.д. Также в расчеты не включен ЕС, который, по сути, также является сетью. В дальнейшем планируется устранить данные ограничения (рис. 3).

Направление стрелки указывает на вхождение страны в Топ-5 торговых партнеров; двусторонняя стрелка предполагает вхождение обеих стран в ведущие торговые партнеры друг друга.

Источник: International Trade Center. URL: <http://www.investmentmap.org/index.aspx> (date of access: 08.08.2013), характер связи: Топ-5 торговых партнеров, без учета ЕС [5].

Рис. 3. Сетевая структура организации «Группы двадцати»

Для описания и оценки сети помимо ее размера используется два основных показателя: сетевая плотность и плотность индивидуальных отношений.

Размер сети – наибольшее расстояние между любыми парами вершин в графе. Равняется максимальному из всех кратчайших путей между всеми парами вершин.

Диапазон принимаемых показателем значений колеблется от 1 до $g - 1$, где g – количество вершин графа.

Плотность сети (density) – отношение количества фактических и гипотетических связей. Максимально возможное количество связей в неориентированном графе равно $g(g - 1)/2$. Плотность графа вычисляется по формуле:

$$D = \frac{L}{\frac{g(g-1)}{2}} = \frac{2L}{g(g-1)},$$

где L – количество связей в исследуемом графе [12, с. 248].

Количество связей в данном случае равняется 57. Плотность сети «двадцатки» составляет 0,3. Это означает, что лишь 30% потенциальных связей реализованы фактически. Подобная плотность свидетельствует о большом потенциале развития и «разветвления» сети.

Плотность индивидуальных отношений (ego network density) – индекс, показывающий степень связи индивидуального актора со всеми остальными.

$$D_i = \frac{2L}{g-1},$$

в данном случае $g - 1$ равно максимальному количеству связей одного

актора [16].

Наибольшее количество связей имеют США и Китай – по 14 связей у каждой страны. США и Китай занимают центральное положение в сети. По сути, они регулируют отношения в рамках сети в целом. На втором месте в данном рэнкинге находится Япония, на третьем – Германия. По структуре взаимоотношений видно, что Китай и США являются глобальными державами, представленными во всех регионах мира. Область пересечения сетевой структуры двух стран составляет 12 из 14 (86%), различие составляют Великобритания и Италия – партнеры США, и Россия и Австралия – партнеры Китая. Гораздо более существенные отличия наблюдаются между Японией и Германией, в область совместных торговых партнеров которых попадает всего три страны (35%). Таким образом, США и Китай не только доминируют в данной модели над остальными странами по количеству связей, но и показывают достаточно глубокую интеграцию между собой посредством общих торговых партнеров, делая страны структурообразующими акторами. С другой стороны, это также указывает на высокий уровень конкуренции между двумя странами.

Россия имеет всего три связи, так как основу ее экспорта составляют сырьевые товары, потребляемые большим количеством стран, основой импорта является большое количество товаров, ввозимых из различных стран, т.е. мы имеем большое количество слабых связей с самыми разнообразными странами. Таким образом, Россия имеет больше политических связей со странами «двадцатки», чем экономических. К тому же тот факт, что большое значение в экспорте составляют *энергоносители*, дает России дополнительные политические преференции. Определенные политические возможности для России предоставляет членство одновременно в «Группе восьми» и БРИКС.

Анализ показывает, что количество и плотность связей значительно выше в странах «Группы восьми», чем в странах БРИКС. Такое распределение можно объяснить тем, что интеграция в рамках западных стран началась значительно раньше, чем в остальных странах. Также можно констатировать, что экономическая интеграция стран «Группы семи» выше, чем интеграция в рамках «Группы восьми». Это объясняется слабыми экономическими связями стран «восьмерки» с Россией, которая входит в политический

Таблица 1. Сетевые показатели «Группы двадцати»

Страна	Количество связей	Плотность индивидуальных отношений	Место в рейтинге
США	14	0,78	1
Китай	14	0,78	
Япония	9	0,50	2
Германия	8	0,44	3
Великобритания	7	0,39	4
Италия	6	0,33	5
Корея	6	0,33	
Канада	5	0,28	6
Бразилия	5	0,28	
ЮАР	5	0,28	
Саудовская Аравия	5	0,28	
Франция	4	0,22	7
Индия	4	0,22	
Австралия	4	0,22	
Индонезия	4	0,22	
Мексика	4	0,22	
Турция	4	0,22	
Россия	3	0,17	8
Аргентина	3	0,17	

Таблица 2. Сетевые показатели «двадцатки» по «Группе семи», «Группе восьми» и БРИКС

Группы стран	Среднее количество связей в группе	Средняя плотность индивидуальных связей в группе
«Группа семи»	7,57	0,42
«Группа восьми»	7,00	0,39
БРИКС	6,20	0,34
Другие страны	4,50	0,25

формат «Группы восьми», но не участвует в саммитах министров финансов. Также при анализе направленности связей видно, что связи внутри «Группы семи» в основном носят двусторонний характер. Объединение стран в рамках БРИКС основывается скорее на единой политической позиции, чем на глубине экономической интеграции. В среднесрочной и долгосрочной перспективе экономическая интеграция стран БРИКС усилится, чему во многом будет способствовать начало торговли в национальных валютах, а также создание банка развития группы [3].

Самая низкая плотность сетевой интеграции наблюдается в странах, не входящих ни в одну из групп. Данные страны имеют достаточно много связей как со странами «Группы восьми», так и со странами БРИКС, но практически не интегрированы между собой.

Из стран, не входящих в «Группу двадцати», но имеющих тесную взаимосвязь с институтом, можно выделить Сингапур, Нидерланды и Испанию. Вопрос о членстве Испании в «Группе двадцати» обсуждался как на экспертном, так и на межправительственном уровне. Основным аргумент, не позволяющий Испании равноправно участвовать в «двадцатке», состоит в том, что «двадцатка» позиционировалась как форум стран «восьмерки» и развивающихся стран. Несмотря на это, Испания достаточно активно участвует в ее работе, являясь постоянным наблюдателем, а также входит во многие структуры «двадцатки», например в СФС.

Заключение

«Группа двадцати» — одна из самых спорных организаций мировой политики. Однако она является самым представительным саммитом, объединяющим двадцать крупнейших стран на уровне их лидеров. Несомненно, у такого неоднозначного и молодого института есть свои плюсы и минусы, тем не менее «двадцатка» имеет огромный потенциал развития.

Сетевую природу организации «двадцатки» подчеркивает ряд ее признаков. Во-первых, огромная концентрация ресурсов в рамках сети обеспечивает «легитимность» управления на глобальном уровне в целом. Во-вторых, однозначный групповой интерес, выраженный в стабилизации мировой экономической системы и предотвращении кризисов. В-третьих, отсутствие классической вертикальной иерархии. В-четвертых, особая культура принятия решений, выражаемая в политическом консенсусе сторон. В-пятых, гибкость организационной структуры обеспечивает возможность быстрых изменений, перегруппировок и реорганизаций. В-шестых, широкий спектр сетевых акторов различной природы, которые так или иначе включены в деятельность «двадцатки».

Разработанная модель позволяет выявить не только лидеров современной мировой политики, которыми являются США, Китай, Япония и Германия, но и характер взаимодействия всех акторов в рамках «двадцатки». В частности, модель указывает на более глубокую экономическую интеграцию стран «Группы семи» по сравнению со странами БРИКС.

Сетевая модель глобального управления выглядит следующим образом. В центре располагаются США и Китай, к которым примыкают страны «Группы семи» и страны БРИКС. Затем следуют страны «Группы двадцати», не входящие в данные блоки, однако в большой степени взаимосвязанные с ними, но при этом слабо связанные между собой. На следующем уровне находятся страны, не участвующие в «двадцатке», имеющие разную степень интеграции со странами «двадцатки» и менее интегрированные между собой.

Можно предположить, что в дальнейшем интеграция будет развиваться в направлении более тесного сотрудничества стран в рамках «двадцатки» и образования более стабильных и сильных связей как внутри БРИКС, так и между странами БРИКС и «восьмерки».

Сетевой подход сулит большие перспективы для анализа международной системы в целом и «двадцатки» в частности. Понимание структуры экономической и по-

литической взаимозависимости открывает большой потенциал как для теоретического осмысления, так и для практического использования. Дальнейшая разработка данного подхода упирается в разработку критериев и параметров связи между акторами, которые включали бы и экономические, и политические аспекты.

Литература

1. Agriculture Vice Ministers Deputies Meeting: REPORT. Mexico City. 18.05.2012. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2012/2012-0518-agriculture.pdf> (date of access: 08.08.2013).
2. Borzel T.A. Organizing Babylon – on the Different Conceptions of Policy Network // Public Administration. 1998. Vol. 76 (Summer).
3. BRICS Experts Back Development Bank. BRICS Durban, South Africa. 20.03.2013. URL: <http://www.brics5.co.za/brics-experts-back-development-bank-2/> (date of access: 08.08.2013).
4. Conclusions, including the Task Force Conclusions of the G20 Strategies on Youth Employment. 18.05.2012. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2012/2012-0518-labour.pdf> (date of access: 08.08.2013).
5. Trade Competitiveness Map / International Trade Center. URL: http://legacy.intracen.org/appli/tradecom/TP_TP_CI_P.aspx?IN=00&RP=156&YR=2011&TY=T (date of access: 08.08.2013).
6. Moaz Z., Terris L.G., Kuperman R.D., Talmud I. International Relations: A Network Approach. Yale University. 21–23.02.2003.
7. Perspectives on the G20 Foreign Ministers' Meeting. Bookings. Opinion. 17.02.2012. URL: <http://www.brookings.edu/research/opinions/2012/02/17-g20-mgo> (date of access: 08.08.2013).
8. Rachman G. The G20's Seven Pillars of Friction // Financial Times. 08.11.2010. URL: www.ft.com/cms/s/0/980b2040-eb43-11df-811d-00144feab49a.html#axzz14roAp7QC (date of access: 08.08.2013).
9. Slaughter A.-M. A New World Order. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2004.
10. Slaughter A.-M. American's Edge. Power in the Networked Century // Foreign Affairs. January – February 2009. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/63722/anne-marie-slaughter/americas-edge> (date of access: 08.08.2013).
11. Барабанов О.Н., Голицын В.А., Терещенко В.В. Глобальное управление. М.: МГИМО-Университет, 2006.
12. Градосельская В.Г. Сетевые измерения в социологии. М.: Новый учебник, 2004.
13. Официальный сайт председательства Российской Федерации в «Группе двадцати». URL: http://www.g20.org/G20/webapp/publicEN/aboutG20/pubEN_aboutG20.htm (дата обращения: 08.08.2013).
14. Саворская Е.В. Политические сети в многоуровневом управлении ЕС // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Международные отношения. Политология. Регионоведение. 2012. № 4 (1).
15. Сахаров А.Г. Сдерживание протекционистских мер в условиях кризиса // Вестник международных организаций. 2012. № 3. URL: <http://ioj.hse.ru/data/2012/10/08/1244264471/7.pdf> (дата обращения: 08.08.2013).
16. Уварова М., Попова В. Сетевой анализ для оценки программ и политик: западный и российский опыт: доклад в ГУ ВШЭ. 20.04.2006.